

Каравеева Е.Э.

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: medieval.hist.msu@yandex.ru

ГЕНРИХ VIII И МАКСИМИЛИАН I: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ В АНГЛО-ГАБСБУРГСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1509–1519 гг.

Работа посвящена малоизученному аспекту в международных отношениях Англии и Священной римской империи германской нации в начале XVI в. – символическим жестам и репрезентации власти Генриха VIII и Максимилиана I в ходе их личных контактов. Анализ формировавшейся в это время системы публичной репрезентации короля Англии позволяет сделать вывод об усвоении им приемов визуальной пропаганды, использовавшихся императором, а также о стремлении Генриха к демонстрации «имперского» характера английской короны.

Ключевые слова: Англия, Священная римская империя германской нации, международные отношения, XVI в., Генрих VII Тюдор, Максимилиан I Габсбург, репрезентация власти

Первое десятилетие правления Генриха VIII, отмеченное целым рядом значительных событий во внешней политике, выявило существенные противоречия в традиционном англо-габсбургском союзе, который новый государь унаследовал от своего отца. Контакты между Англией и Империей носили активный характер и принимали разные формы [13, р. 28–47], [29]. Обратившись к символической составляющей отношений между государями, мы проанализируем эволюцию форм репрезентации власти, а также образов, которые использовали Генрих VIII и Максимилиан в их публичном «диалоге» на международной арене. Спектр средств и приемов, использовавшихся в англо-габсбургских отношениях в это десятилетие, был достаточно разнообразен, и особое значение в их развитии имели персональные контакты и личные встречи государей.

Молодому Генриху VIII еще только предстояло утвердиться в роли могущественного монарха, воплощающего идеал куртуазного рыцаря и одновременно – «великолепного» ренессансного государя. Формирование его публичного образа происходило под очевидным влиянием практики государей-современников, в частности, императора Максимилиана I¹.

В первые годы правления Генриха VIII император, заинтересованный в вовлечении Англии в политический союз с Империей, направленный против Франции, всячески подогревал амбиции молодого английского короля, стремившегося пересмотреть итоги Столетней войны и вернуть себе утраченные французские территории. Одним из первых жестов, продемонстрировавших расположение императора Максимилиана к королю Англии стало преподнесение в дар Генриху так называемого Бургундского доспеха для лошади в 1511 г [20], [22]². Доспех стал свадебным подарком императора, поскольку в 1509 году был заключен брак между наследником английского престола и Екатериной Арагонской. Доспех фигурирует в инвентарях как «бургундский» из-за его украшений [5, р. 161]³ – вся поверхность металла была покрыта бургундскими крестами (их изображали выполненными из суковатых веток и объатыми пламенем). В инвентаре 1519 г. содержится подробное описание этого доспеха – «... на нем была гравировка в виде гранатов и бургундских крестов, кайма доспеха была золотой, а он был также украшен черным шелком...». Символизм орнамента бургундского доспеха, с одной стороны, отсылал к браку короля с Екатериной Арагонской, так

¹Образы власти императора Максимилиана I, созданные художниками Северного Возрождения, стали темой выставки Галереи Альбертина в Вене «Emperor Maximilian I and the Age of Dürer», проходившей с 14 сентября 2012 по 6 января 2013 г. По случаю выставки был издан одноименный научный каталог Emperor Maximilian I and the Age of Dürer. Munich. 2012, в который вошел ряд статей, содержащих анализ формирования системы образов, в которых предстает император в художественных произведениях, в свою очередь являющихся средствами визуальной пропаганды.

²В настоящее время Бургундский доспех является частью коллекции Королевских Оружейных мастерских, инвентарный номер VI. 6–12.

³В инвентаре, заказанном Эдуардом VI вскоре после смерти Генриха VIII в 1547 г., этот доспех фигурирует под номером 8388. Он находился в ведении одного из джентльменов личных покоев короля – сэра Тома Пастона, в Гринвиче. В инвентаре дано следующее описание доспеха – «Item upon the Thirde horsse A Harness giuen unto the kinges Majestie by Themperor Maximilian with A base of stele and goldesmythe worke Siluer and guilte with A border abowt the same siluer and guilte of goldsmiths worke and A barde of stele with A burgonion Crosse and the fusye and a Saddell with A Crynniyn And A shaffron to the same».

как гранат был ее геральдическим знаком. С другой, напоминал о принадлежности Генриха VIII к элитарному кругу королей-рыцарей, поскольку кресты были знаком бургундского Ордена Золотого Руна, самого почетного европейского ордена, кавалером которого Генрих стал в 1505 г. Таким образом, доспех указывал как на родственные узы, отныне объединявшие Генриха с семейством Габсбургов и императором, так и на особые отношения между двумя монархами как членами одного рыцарского ордена.

Этот подарок, безусловно, стал и актом репрезентации самого Максимилиана, так как с помощью роскошного доспеха он демонстрировал свою исключительную власть и богатство, ведь лишь самые могущественные правители могли позволить себе заказать столь изысканный и дорогой конский доспех, а в Англии подобные тяжелые доспехи были большой редкостью [21].

Немаловажно при этом, что Максимилиан был главой Ордена Золотого Руна, а Генрих – лишь его почетным иностранным членом, и статус императора в орденской иерархии был значительно выше. С точки зрения традиционной рыцарской этики, дружественный жест Максимилиана мог быть истолкован как дар от сюзерена его «рыцарю» и предполагал символическое «старшинство» дарителя.

Кажется очевидным, что если бы английский король был озабочен сохранением паритета и стремился избежать статуса «младшего партнера» в отношениях с Максимилианом, он не мог оставить без ответа столь ценный подарок императора. Однако, приходится констатировать, что, если с его стороны и была попытка «отдаться», на данный момент нам об этом ничего не известно. Вопрос об ответном даре Генриха не поднимался в английской историографии и, в частности, ведущий специалист по истории английского доспеха эпохи Ренессанса, Ангус Паттерсон свидетельствует, что упоминание о каком-либо ответном даре Генриха VIII не встречается в источниках. (Возможно, в это время он просто не смог бы преподнести императору ничего, сравнимого по качеству с «бургундским доспехом», поскольку в Англии не было оружейников высокого уровня. Не случайно оба мастера, работавшие над этим доспехом, Мартин ван Ройн и Поль ван Врелан, выполнивший гравировку и золочение доспеха, через несколько лет работали уже в Гринвичских Оружейных мастерских,

учрежденных Генрихом VIII, и ван Ройн стал их первым главой.)

В сложных отношениях Империи и Англии каждый акт государей оказывался принципиальным, будь то заключение династического брака или дар одного монарха другому. Обращаясь к самому началу правления Генриха VIII, мы видим, что присылка «бургундского доспеха» свидетельствовала о желании Максимилиана заручиться сильным союзником перед началом очередного этапа Итальянских войн.

Следующим важным этапом англо-имперских отношений, стала совместная военная антифранцузская кампания 1513 г., во время которой обнаружилось принципиальное несоответствие между фактической властью монархов, военной мощью их стран и символическими средствами, с помощью которых эта власть себя демонстрировала [18], [11]. Это несоответствие являлось важным показателем изменившегося характера межгосударственных контактов.

Кампания принесла Англии успех – в ее ходе были захвачены две крупные крепости, Теруанн и Турне. Ключевым моментом в битве за Теруанн стала так называемая Битва Шпор. Фактического сражения не произошло, поскольку, подойдя к Теруанну, который в течение долгого времени англичане безуспешно пытались взять (город обладал чрезвычайно мощными укреплениями), французская армия скрылась при приближении противника и оставила на поле боя 6 штандартов, а также лишилась одного герцога, маркиза и вице-адмирала Франции, которые оказались в английском плену. Решающую роль англичан в этой битве, по их мнению, подтверждал тот факт, что Максимилиан согласился сражаться под английскими знаменами во время взятия Теруанна, «как солдат короля» [3, р. 550]⁴. По словам хрониста Эдварда Холла, первым среди этих стягов несли знамя с красным драконом – символом полуполюгендарных королей Уэльса, воспринятым Генрихом VII в качестве свидетельства легитимности новой династии. Оно было аллюзией на преемственность рыцарских идеалов со времен древних бриттских правителей Англии и легендарного короля Артура до настоящего времени. Затем в бой несли знамя с изображением Богоматери, за ним следовало знамя с Троицей⁵ и, наконец, штандарт английских войск [3, р. 550].

⁴«Themperour as the kynges soldioure ware a Crosse of sayncte George with a Rose»

В ходе этой кампании опытный политик, Максимилиан, не желавший тратить собственных средств, да и не имевший их, был готов всячески подпитывать амбиции своего более молодого союзника, который взял на себя основные расходы. Не исключено, что выступление имперских войск под английскими знаменами, которое в глазах английского хрониста выглядело безусловным признанием лидерства англичан в этой экспедиции, истолковывалось имперской стороной не столь однозначно. Богородица и Троица считались небесными покровителями английского Ордена Подвязки наряду со св. Георгием, а Максимилиан почитал последнего и способствовал распространению культа св. Георгия в австрийских землях. Более того, в пропагандистской литературе и гравюре его нередко прославляли как основателя ордена св. Георгия [2, р. 325–326]⁶ или даже уподобляли последнему, представляя в образе воина-драконоборца.⁷ Теоретически это давало возможность императору трактовать вступление в битву под английскими знаменами не как уступку лидерства союзникам, а в ином ключе, в духе рыцарской этики, как совместное выступление интернационального воинства, почитавшего Георгия, под общим для обоих государей стягом небесного патрона.

Город был взят и практически полностью сожжен, за исключением собора и нескольких зданий. Сам Генрих не остался в Теруанне и вернулся в свой лагерь [10, р. 44–47], где для него, по словам хрониста, была выстроена хоть и временная, но пышная резиденция из дерева, в которой был даже камин. Временный «дворцо-

вый комплекс» дополняли тканые голубые шатры, расшитые белым и желтым, которые внутри разделялись на комнаты для всех необходимых служб. Каждый такой павильон венчали изображения геральдических животных – льва, дракона, борзой, антилопы и козла с английскими гербами. Таким образом, убранство лагеря Генриха VIII на французской территории демонстрировало мощь английского королевства, его богатство, а также законность и обоснованность притязаний Генриха на французские земли.

Осада и взятие Теруанна и Турне зафиксированы в ряде изобразительных источников, позволяющих сделать определенные выводы о характере отношений между государями в это время. Одним из таких источников, отразивших стремление Генриха VIII, проявившееся в последние годы его правления, увековечить свои ранние победы, является картина, заказанная им через много лет после описываемых событий, около 1545 г. На ней изображена встреча императора Максимилиана и Генриха VIII⁸. В центре полотна – государи верхом, очевидно, что это сцена их встречи перед началом непосредственных военных действий [3, р. 544–545]⁹. Изображения монархов появляются на картине и во второй раз, но уже на втором плане – их фигуры вновь занимают центральное место, но на этот раз государи оказываются между отрядами пехоты и артиллерийскими орудиями. По бокам установлены шатры, увенчанные гербами, соответственно, Англии и Империи. На следующем по удаленности от зрителя плане представлена сцена Битвы Шпор, а на самой

⁵Богородица и Троица были небесными патронами Ордена Подвязки, знамена с этими изображениями должны были усилить впечатление достойного войска, сражающегося с несправедливым противником.

⁶Альбрехт Дюрер. Гравюра номер F1 в известной Триумфальной арке Максимилиана, согласно схеме, выработанной отделом графики Галереи Альбертина. Император изображен сидящим на троне в окружении четырех рыцарей ордена. Гравюру сопровождает следующее стихотворение:

In sorgen gros vnnd gferlikait
Hat er beweyst sein dapferkeit
Daryn got Im sein leben frist
Des er Im dannckbar worden ist
Dann mit Im in sandt Jorgens ardn
Vil streztpar helt seind brü der wordn

⁷Альбрехт Дюрер. Св. Георгий. Молитвенник Максимилиана I, 1513 г. Чернила на пергаменте. Мюнхен, Баварская городская библиотека (membr. 64, fo. 23v). Кроме того, существует несколько изображений Максимилиана в виде св. Георгия, выполненных Даниэлем Хопфером и Хансом Даухером. Даниэль Хопфер. Максимилиан в образе св. Георгия, около 1519 г. Офорт. Галерея Альбертина, Вена. Ханс Даухер, Максимилиан в образе св. Георгия, около 1532 г. Рельеф, известняк. Музей Истории Искусств, Вена. Инвентарный номер 7236.

⁸The meeting of Henry VIII and the Emperor Maximilian I. Flemish School. C. 1545. Oil on canvas. 99.1 x 205.1 cm.

⁹В Хронике Холла также имеется упоминание о торжественной встрече государей, которая состоялась 11 августа. Хронист делает акцент на роскошных одеждах всех участников и необыкновенном облачении английского короля, расшитом жемчугом и драгоценными камнями, защитой королю служил легкий доспех – «he was armed in a light armure». Особо он отмечает, что прибывший император и все его подданные были в темных одеждах по причине траура по недавно скончавшейся жене императора. Картина, в свою очередь, подтверждает эти сведения – оба раза Максимилиан изображен в черном облачении.

дальней части полотна мы видим осаду Туруанна и Турне. Таким образом, описанная картина представляла собой своеобразное повествование о ходе кампании, и каждый ее элемент должен был указывать зрителям, с одной стороны, на доблесть английских воинов, с другой - на статус короля Англии, который, в глазах англичан соответствовал статусу императора, сражавшегося под английскими штандартами. Об этом свидетельствовали все детали картины и сама ее композиция - симметричность в расположении фигур, их одинаковый масштаб.

Это полотно отражало имперские амбиции английского короля. На шатре Генриха VIII появляется изображение закрытой имперской короны с перекрещивающимися арками, ничем не уступающее короне на шатре императора. Генрих VIII обращается к имперской идее в связи с взятием французских земель, уподобляя себя в этом случае Генриху V, который был его историческим кумиром, и косвенно ссылаясь на позицию Генриха V во время встречи того с императором Сигизмундом в 1416 г. Именно в 1513 г. накануне встречи с Максимилианом Генрих VIII заказал перевод на английский работы итальянского гуманиста Тита Ливия Фруло-визи Vita Henrici Quinti, долгое время считавшейся самой ранней посмертной биографией этого монарха (ок. 1438 г.). Биография Генриха V содержит описание встречи императора Сигизмунда, высадившегося на английский берег в Дувре, и брата короля, герцога Глостера, который приветствовал императора предупреждением о том, что если он вступил в Англию как в королевство, находящееся под его императорской властью, ему будет оказано сопротивление от имени короля. Сигизмунд заверил Глостера в том, что ступил на землю Англии как друг, но не как император [4].

Итак, репрезентация Генриха VIII во время встречи с императором была основана на претензиях английского короля на равенство его статуса статусу императора, таким образом, он символически обращается к формуле *rex in regno suo est imperator* и стремится обосновать ее адекватность современной международной ситуации, ссылаясь на прецедент, связанный с Генрихом V – первым английским королем, согласно изобразительным источникам, появляв-

шимся в имперской короне во время ключевых церемоний или событий своего правления¹⁰.

Что же касается непосредственно Битвы Шпор, то благодаря «Хронике» Холла мы узнаем одну примечательную деталь – «Французы называют эту битву путешествием (journey) шпор, ибо они ретировались с необыкновенной быстротой на своих конях» [3, р. 552]. Тем не менее, это дало Генриху VIII повод представить все в качестве триумфа английской армии, который впоследствии превратился в исторический миф с явно просматривающейся национальной подоплекой. Позднее король закажет картину, посвященную этой победе.

Генрих VIII первым вступил и в побежденный Турне, который также обладал мощными укреплениями и долго держал оборону, а Максимилиан лишь скромно следовал за ним – император мог позволить себе такой жест в обмен на то, что все военные действия, как и прежде, финансировал английский король. Разумеется, нужно учитывать правила построения любой церемониальной процессии, предполагавшие, что престиж ее участников нарастал по мере продвижения от ее начала к концу. С этой точки зрения, авторитет императора, въезжавшего вторым, в его собственных глазах, возможно, и не пострадал. Показательно, однако, что Холл даже не упоминает Максимилиана, когда пишет о том дне, когда Генрих впервые вошел в город с присущей ему помпезностью – «...король первым въехал в город Турне 24 августа в девять часов с великим триумфом и честью, он был облачен в позолоченные доспехи с гравировкой, его одеяние из пурпурного бархата было кругом обшито каймой и пересечено золотыми ветвями, и ветви боярышника переплетались с ветвями роз, и каждый цветок, лист и ягода были выпуклыми. За ним следовали его пажи с некоторыми деталями доспеха. В сиянии великой славы этот добрый государь вступил в город Турне и овладел им, и был встречен у кафедрального собора процессией, и они присутствовали на мессе, а затем отобедали в епископском дворце. После никто не вернулся в лагерь, все остались в городе под охраной лорда Шрусбери и его свиты» [3, р. 552]. Девизом этого города были слова «*La picelle sans reproche*», которые победитель приказал стереть, таким образом английский государь ритуально

¹⁰Помимо уже упомянутого горельефа с изображением Генриха V в имперской короне непосредственно после коронации, есть рисунок, выполненный, вероятно герольдом, на котором Генрих V появляется в имперской короне, надетой поверх шлема, во время битвы при Азенкуре. BL, Harleian MS. 2169, f. 2.

подчеркнул символическое овладение им [28, с.25–90]. Однако уже через пару дней «король вновь вернулся в Гингейт, где было принято решение о том, что стены, ворота и укрепления Турне должны быть разрушены до основания и стерты с лица земли» [3, р. 552], воплощением этого решения в жизнь занялся император. Было создано три отряда, одним из них руководили Генрих и Максимилиан; эти отряды подожгли город, за исключением кафедрального собора и епископского дворца. Празднества по случаю взятия города продолжались около трех недель, после чего Генрих поспешил вернуться в Англию с победой, тем более, что сезон военных действий к тому моменту завершился.

Свидетельствами победы, одержанной Генрихом VIII в Турне, и выражением имперских амбиций государя стали новые монеты, заказанные королем на монетном дворе непосредственно в Турне, на которых была отчеканена имперская корона английского короля [9], а также впечатляющий корабль, водоизмещением в 1,500 тонн, который получил название Henry Imperial (позже получил новое название Henry Grace a Dieu) и был спущен на воду в феврале или марте 1513 г [17, р. 62, 67].

В Турне Максимилиан и Генрих договорились и о том, что сын императора, Карл, герцог Бургундский, женится на сестре Генриха Марии Тюдор в Кале до 15 мая будущего года – монархи хотели подкрепить военный союз династическим. Празднование совместного триумфа нашло отражение и в художественных произведениях – речь идет о знаменитой триумфальной арке Максимилиана и росписи подобной же арки в банкетном павильоне Гринвичского дворца, выполненной для Генриха VIII Гансом Гольбейном [26, р. 68].

В 1512 г. Максимилиан заказал Дюреру серию гравюр с изображениями его триумфов, которые располагались в виде «Арки славы» [24].¹¹ Работа была завершена к 1515 г., а гравюры впервые напечатаны в 1518 г. На одной из панелей изображена встреча Генриха с Максимилианом в Теруанне в 1513 г. Гравюра отмечает союз императора и Генриха VIII, объединившихся против общего врага и одержавших уверенные победы над французскими войсками в кампании

1513 г. На гравюре государи смотрят друг на друга и протягивают правые руки с тем, чтобы подписать союзнический договор. Фигуры монархов, облаченных в роскошные доспехи, расположены на фоне идиллического пейзажа, подчеркивающего гармонию их союза, являющегося закономерным продолжением Священной Лиги. Тема приближающейся войны подчеркнута с помощью изображений гербов обоих государств – бургундского огнива и креста св. Андрея, а также тюдоровской розы. О том, что эта военная кампания была победоносной для союзников, свидетельствует надпись, включенная в гравюру, в которой упоминаются оба осажденных и завоеванных города – Теруанн и Турне¹²:

«Затем он отправился вместе со своим двором в Нидерланды, Дабы оказать помощь английскому королю, Были собраны сильные армии, Французы были сильно напуганы и трепетали, Многие из них нашли свою погибель, А Теруанн, как и Турне был взят».

Гольбейн вполне мог видеть гравюры Дюрера, так как Николаус Кратцер, его друг и покровитель, придворный астроном Генриха VIII, состоял в переписке с Дюрером. Гольбейн изобразил подобную сцену на триумфальной арке в гринвичском банкетном павильоне, украшенной терракотовыми бюстами римских императоров, гербами Генриха VIII и гротескным орнаментом. (Строительство павильона и его декорация были предприняты в связи с прибытием в Англию в 1527 г. французского посольства, которому с помощью художественных средств напомнили о триумфе англичан в 1513 г.)

Вероятно, именно эта роспись Гольбейна послужила основой еще одного художественного произведения, отразившего историю совместной антифранцузской кампании Максимилиана и Генриха, картины неизвестного художника, изобразившего битву Шпор спустя полтора десятилетия, предположительно, около 1530 года [16]¹³. В настоящее время картина находится в коллекции королевы Елизаветы II и выставляется в королевской резиденции Хэмптон-Корте.

¹¹ Исследователь Shauerte Т. использует схему нумерации гравюр, составляющих Триумфальную арку, разработанную отделом графики галереи Альбертина, Вена. Ниже ссылки на гравюры даются в соответствии с этой схемой.

¹² Эта гравюра имеет номер С'2 №10 согласно схеме галереи Альбертина и сопровождается приведенным выше стихотворением.

Это полотно отражает внешнеполитические цели Генриха и его амбиции – в центре картины изображен он сам, облаченный в сияющий доспех, несмотря на то, что английский король лично не участвовал в этой битве. Генриху сдается Баярд – французский рыцарь, уже при жизни ставший воплощением идеалов рыцарской доблести и чести, именно к нему была обращена фраза «рыцарь без страха и упрека»¹⁴. Таким образом, художник изобразил символическое поражение всего французского рыцарства, абсолютную победу Англии над Францией. Победа в битве Шпор и спустя десятилетия воспринималась англичанами как величайший успех, достигнутый в начале правления Генриха.

Помимо упомянутых хорошо известных полотен, на которых запечатлена победа Генриха VIII над Францией в битвах за Теруанн и Турне, существовал еще один цикл картин, сюжетами которых были преимущественно военные победы Генриха VIII. Этот цикл был заказан графом Саутхэмптоном, первым владельцем замка Каудрей [30, с. 310–312], и приписывался кисти Ганса Гольбейна-младшего. К сожалению, картины, входившие в эту серию не сохранились, они погибли во время пожара конца XVIII в. Однако в нашем распоряжении имеется подробный каталог картин замка Каудрей [1], позволяющий представить, в каких парадных комнатах висело то или иное полотно. Картина, призванная увековечить победу Генриха VIII, одержанную им в 1513 г., согласно каталогу, висела в большой гостиной замка. Оригинальное название полотна «Victories, Sieges, and Taking of Terouenne and Tournay, by King Henry VIII» [1, p. 6]. Будущий граф Саутхэмптон участвовал в этой военной кампании, поэтому выбор сюжета представляется вполне очевидным, кроме того, примечательно, что, судя по названию полотна, это произведение должно было подчеркнуть именно победу английского короля над Францией, а не союз с императором, благодаря которому Людовик XII потерпел поражение. Заказ графом Саутхэмптоном этой серии картин на исторические сюжеты является одним из примеров того, как новая «тюдоровская аристократия», которую создавал Генрих VIII, с помощью произведений искусств-

ва демонстрировала преданность и лояльность государю.

После совместной победы над Францией император сохранял заинтересованность в союзе с Англией. Следующим жестом Максимилиана, демонстрирующим его расположение, стало преподнесение в дар английскому королю в 1514 г. очередного роскошно украшенного доспеха [7]. К сожалению, в английских источниках мы не находим ни одного упоминания о том, что Генрих VIII когда-либо появлялся в этом доспехе. Даже Эдвард Холл, который обычно наиболее подробно описывал детали костюма монарха, нигде не пишет о том, что государь появился именно в доспехе, который подарил ему император. Однако из переписки между Максимилианом и его придворным оружейником из Инсбрука, Конрадом Зойзенхофером мы узнаем, что работать над этим доспехом мастер начал еще в 1511 г., он был украшен золотом и серебром, а завершал доспех шлем, увенчанный металлическими витыми рогами. Этот представляющийся нам необычным предмет упомянут вместе со всеми остальными частями доспеха в инвентаре 1547 г. Известно, что в 1513 г. император подарил своему внуку, в тот момент эрцгерцогу Карлу, такой же доспех, однако шлем от доспеха Карла не сохранился, и мы не знаем, был ли он также увенчан рогами. Тем не менее, декоративные детали и гравировка обоих доспехов совпадают, форма доспехов воспроизводит придворную моду того времени с характерными буфами и разрезами на рукавах и коротких панталонах. Тонкая гравировка, покрывающая весь доспех, и форма шлема указывают на то, что доспех был скорее парадным, нежели боевым, но исключительный шлем этого доспеха породил несколько гипотез относительно того, что он должен был обозначать. Клод Блэр, один из первых исследователей, проследивших историю этого дара императора, предположил, что шлем служил карикатурой, Алан Борг [8] выдвинул несколько иную теорию, предположив, что черты, которые мастер придал шлему, напоминают черты лица шута императора Максимилиана, портрет которого сохранился. Однако Генрих VIII с очевидностью не представлял себе, как выглядит шут императора,

¹³ The Battle of the Spurs. Unknown artist, 1530 (?). Royal Collection.

¹⁴ Это звание Франциск I пожаловал Пьеру дю Террайлю Баярду (1476–1524), прославившемуся своими подвигами в битвах и победами на турнирах. Кроме того, Баярд был назначен командующим ротой личной охраны короля, что приравнивало его к принцам крови. Наконец, именно он посвящал в рыцари самого Франциска.

с другой стороны выступающая нижняя губа и загнутый книзу большой нос напоминают о семейных чертах самих Габсбургов. И все же долгое время оставалось загадкой, почему мастер изготовил шлем с таким уродливым лицом при том, что весь остальной доспех был элегантным и предназначался исключительно для появления монарха во время торжественных церемоний. Наиболее вероятный ответ может быть найден, если мы обратимся к культурному контексту этой эпохи, в частности, к празднованию Масленицы, которую в Англии приняло было отмечать широко, традиционными элементами гуляний были масленичные процессии, а также розыгрыши, которыми не пренебрегал и сам английский король, так однажды он появился в покоях Екатерины Арагонской в костюме Робин Гуда, а в другой год вошел на заседание Парламента, одетый «на турецкий манер», и при нем был ятаган, а костюм был вышит золотом [23, р. 18]. Кроме того, Генрих VIII с радостью заимствовал у итальянцев то, чего прежде не знали в Англии – в 1513 г. на праздник Богоявления он надел маску. С этого времени в Англии начала развиваться традиция «маски» и «антимаски», которую, безусловно, нельзя напрямую связывать с необычным шлемом, однако традиционной частью турниров начиная с XIII в. был элемент переодевания, а в середине XV в., при бургундском дворе Рене Анжуйского он получил наибольшее распространение. Максимилиан I и Генрих VIII, стремясь сохранить куртуазные традиции при своих дворах, сохранили этот элемент турниров, кроме того, гротескные элементы были одной из главных составляющих украшения доспехов, в особенности это касалось шлемов. В Германии в XV в. придворные настолько стремились превзойти друг друга во время переодеваний, сопровождавших турниры, что были даже введены ограничения того, насколько парадными, необычными и дорогими могли быть костюмы [14]. Обращение к этой культурной традиции заставляет нас воспринять подарок Максимилиана отнюдь не как возможную насмешку над английским королем, но, напротив, как знак величайшей чести, которую один монарх оказал другому, потому что такого рода доспех с гротескным шлемом служил показателем не только богатства императора, но и его уважения к куртуазным традициям прошлого, преемником которых он считал и себя, и своего союзника, таким

образом, дар Максимилиана в очередной раз подчеркивал высокий статус монархов, как в политическом, так и в культурном плане.

Другой культурный феномен, проявлением которого мог стать необычный шлем, известен как празднества Schembart [27]. Schembart означает «маска с бородой», однако изначальное значение этого термина «ужасная маска», этот праздник был очень популярен в Нюрнберге в 1449-1539 гг., люди надевали демонические и териоморфные маски, и появление в такой маске считалось большой привилегией. Шлем Генриха VIII отвечал обоим значениям маски, однако, скорее всего, его форма была связана с более общей куртуазной практикой, предусматривавшей использование гротескных масок во время карнаваловых шествий, являвшихся частью турниров. Тем не менее, дар Максимилиана имел и вполне практическую политическую цель – очевидно, император рассчитывал и в дальнейшем получать помощь от английского короля в своей борьбе против Франции, и доспех намекал на новые войны, в которых, как рассчитывал Максимилиан, Генрих VIII должен был выступить на стороне Империи.

Однако в условиях постоянно меняющейся ситуации в международных отношениях, союз с императором оказывается хотя и эффективным, но недолговечным. С 1514 г. Генрих VIII начинает воплощать новую внешнеполитическую линию, автором которой был кардинал Вулси, и с этого момента основным направлением международной политики вновь становится сближение с Францией.

Тем не менее, несмотря на явное снижение интенсивности контактов между Англией и Империей после 1514 г., первое десятилетие правления Генриха VIII завершилось значительным в символическом аспекте событием по отношению к его старшему современнику. После смерти Максимилиана в Лондоне было устроено церемониальное прощание с императором. Из документов лорда-камергера [6] следует, что на поминальную церемонию были потрачены значительные суммы. В частности, был заказан и изготовлен особый катафалк, обтянутый черным шелком, а в соборе св. Павла прошла поминальная служба по усопшему императору. После службы все отправились на поминальную трапезу, для которой было сварено вино со специями и приготовлено множество блюд из разной рыбы и морепродуктов. Смерть

императора Максимилиана стала окончанием продолжительного периода в англо-габсбургских отношениях, и подобное символическое прощение с ним свидетельствовало об уважении к фигуре императора, которое хотел выказать английский король, а также и о надежде на сохранение дружеских отношений с империей Габсбургов в дальнейшем.

Союзнические отношения и личные встречи с Максимилианом, несомненно, оказали влияние на формирование Генриха VIII как политика. Император был опытным государственным деятелем, владевшим разнообразными приемами пропаганды, в том числе, визуальной, предполагавшей активное использование художественных средств [25]. Образы императорской власти, к которым прибегал Максимилиан, были детально проработаны гуманистами и художниками. В литературе,¹⁵ живописи, графике, книжной гравюре, скульптуре его прославляли во множестве ипостасей, как нового Геракла¹⁶, преемника римских кесарей, полководца-триумфатора, благочестивого правителя и даже самого св. Георгия. Со временем эти образы и, что важнее, приемы визуальной пропаганды, будут успешно усвоены и апроприированы Генрихом VIII. Это относится, в частности, к заимствованию идеи триумфальной арки в декорации дворца английского короля, а также к активному использованию живописи, служившей прославлению его побед в войнах с Францией.

Еще одной принципиальной составляющей репрезентации Максимилиана были символически выраженные притязания на власть над другими европейскими странами, основанные на его генеалогии, династических связях и декларируемые с помощью геральдики. В числе этих стран была и Англия, и император полагал, что имеет право претендовать на англий-

ский престол, поскольку мачеха Марии Бургундской, Маргарита Йоркская, была женой Карла Смелого. Англия была одним из семи государств, чей герб император включает в свой собственный, обозначая таким образом свои притязания на троны этих стран¹⁷. Генрих также активно прибегал к языку геральдики в международных отношениях, в частности, демонстрируя свои притязания на Францию. Английский король, по-видимому, был знаком с замыслом грандиозной гробницы Максимилиана, окруженной бронзовыми фигурами предков императора, среди которых была статуя короля Артура¹⁸, выполненная по эскизу Дюрера. Это стимулировало обращение Генриха к проекту собственной гробницы, которая должна была затмить величием усыпальницу Максимилиана в Инсбруке. И хотя этот проект не был воплощен, возможно, претензии императора на родство с Артуром подтолкнули Генриха к более активному использованию темы его собственного происхождения от Артура в целях обоснования имперского характера английской короны.

Несмотря на то, что отношения между Англией и Империей в первое десятилетие правления Генриха VIII не были стабильными, несомненная важность этих связей для обеих сторон нашла отражение как во многих произведениях изобразительного и прикладного искусства, служивших средствами репрезентации власти одного из правителей, так и в нарративных источниках, сообщающих о личных встречах государей, которые, в свою очередь, были показателем того значения, которое монархи придавали поддержанию интенсивных контактов между своими государствами.

С точки зрения репрезентации, англо-габсбургские контакты обладают принципиальной особенностью – Генрих VIII выступает по

¹⁵ Англо-имперские отношения стали одним из сюжетов произведения, которое было призвано прославить императора еще при его жизни – «Белого короля». Издание содержит огромное количество гравюр, на которых изображены дипломатические союзы, в которые вступал император. - Weisskunig, около 1505–16 гг. Подробный анализ нескольких вариантов Белого короля и воспроизведение нескольких редакций этого источника выполнены в работе Musper Н.Т. В Белом Короле содержится и упоминание о союзе, заключенном между императором, Испанией и Англией против Франции, в которой все государи наделены определенными цветами, имеющими как символическое значение, так и, как в случае с Англией, отсылающими к недавнему политическому прошлому страны – войне Алой и Белой Розы. Эта глава имеет следующее название – «О том, как молодой Белый Король (сам император Максимилиан I), Красно-Белый (Генрих VIII) и Коричневый Король (Фердинанд Арагонский) заключили союз против Синего Короля (Людовик XII)». Согласно редакции 1514 г. (Treitzsaurweins Fassung von 1514 (Handschrift A) это глава № 150. Ibid. P. 285. В Белом короле присутствуют еще две главы, посвященные военному союзу императора и Генриха VIII против Франции и совместной кампании 1513 г., это главы №217 и №218. Ibid. P. 301.

¹⁶ Альбрехт Дюрер. Молитвенник Максимилиана I, 1513 г. Мюнхен, Баварская городская библиотека.

¹⁷ Идея притязаний на английский престол появляется на гравюре №75 Триумфальной процессии среди «австрийских территорий». Триумфальная процессия, 1507-18 гг. Альбрехт Альддорфер и мастерская. Галерея Альбертина, Вена.

¹⁸ Peter Visher and workshop, King Arthur, 1510s, bronze. Innsbruck, Hofkirche.

отношению к Максимилиану I как монарх, публичный образ которого находится в процессе формирования, а потому он постепенно усваивает некоторые принципы репрезентации императора. Оба союзника предстают в образах государей-рыцарей, благочестивых правителей пользующихся покровительством св. Георгия, оба используют в своей репрезентации тему Геракла и мотив родства с легендарным королем Артуром.

Если в начале англо-имперского диалога Генрих оказывался и в буквальном и в символическом смысле «младшим» партнером (что выражалось, в частности, в несимметричности даров, которые английский король принимал, не

имея возможности ответить достойным подарком), то уже во время военной кампании 1513 г. Генрих открыто заявляет претензии на равенство с Максимилианом, подчеркивая имперский характер своей короны. При ретроспективном обращении к истории совместной антифранцузской кампании в живописных произведениях, выполненных по заказу английского короля, эта тенденция к «уравниванию» статусов обоих государей становится все более очевидной. Отдельное место в ряду приемов, принятых Генрихом VIII в это время, занимает использование визуальных средств пропаганды, которые будут широко применяться им в дальнейшем.

8.11.2013

Список литературы:

1. A catalogue of the pictures at Cowdray-House, the Seat of the The Right Honourable Lord Viscount Montague, near Midhurst, Sussex. Portsmouth, 1777.
2. British Library, Harleian MS. 2169.
3. Hall E. Chronicle. The union of the two noble and illustrefamilies ofYork and Lancaster. L., 1548.
4. The First English Life of King Henry the Fifth / Ed. C.L. Kingsford. Oxford. 1911.
5. The inventory of King Henry VIII. The transcript / Ed. by D. Starkey L., 1998.
6. The National Archives. Lord Chamberlain's Department: Records of Special Events. Accounts of funerals and mournings. The Emperor Maximilian. LC 2/1.
7. Blaire C. The Emperor Maximilian's Gift of Armour to King Henry VIII and the Silvered and Engraved Armour at the Tower of London // Archeologia. Vol. 99. 1965. P.1-53.
8. Borg A. The Ram's Horn Helmet // Journal of the Arms and Armour Society. Vol. 3.№2. 1974.P.138-185.
9. Challis C.E. The Tudor coinage. Manchester, 1978.
10. Cruickshank C. Army Royal: Henry VIII's Invasion of France, 1513. Oxford, 1969.
11. Davies C.S.L. Tournai and the English Crown, 1513-1519 // The Historical Journal. Vol. 41. 1998. № 1. P. 1-26.
12. Emperor Maximilian I and the Age of Дьрер. Munich. 2012.
13. Gunn S. The French Wars of Henry VIII // The Origins of War in Early Modern Europe. Edinburgh. 1987. P. 28-47.
14. Jackson W.H. The Tournament and Chivalry in German Tournament Books of the Sixteenth Century and in the Literature of Emperor Maximilian I // Ideals and Practice of Medieval Knighthood. Woodbridge, Suffolk and Dover. 1986.
15. Kingsford C.S. A Legend of Sigismund's visit to England // EHR. 26, 1911.P. 750-751.
16. Lloyd C., Thurley S. Henry VIII: Images of a Tudor King. L., 1990.
17. Loades D. The Tudor Navy: An Administrative, Political and Military History (Studies in Naval History). Aldershot, 1992.
18. Mayer T. F. Tournai and Tyranny: Imperial Kingship and Critical Humanism // The Historical Journal. Vol. 34, 1991.№ 2. P. 257-277
19. Musper H.T. Kaiser Maximilians I Weisskunig. Stuttgart, 1956.
20. Nickel H., Pyhrr S.W., Tarassuk L. The Art of Chivalry. NY., 1982.
21. Patterson A. Fashion and Armour in Renaissance Europe. L., 2009.
22. Pourfar M.H. Royal Gestures. Maximilian I and Henry VIII's Employment of Armor. A thesis submitted to the faculty of Weleyan University in partial fulfillment of the requirements for the Degree of Bachelor of Arts with Departmental Honors in the Art and Architectural History Department. Middletown, Connecticut, 1993.
23. Scarisbrick J.J. Henry VIII. Berkeley, Los Angeles, 1969.
24. Shauerte T. Die Ehrenforte für Kaiser Maximilian I. Munich, 2001.
25. Silver L. Marketing Maximilian. The Visual Ideology of a Holz Roman Emperor. Princeton, 2008.
26. Starkey D. Henry VIII. A European Court in England. L., 1991.
27. Sumberg S.S. The Nurnberg Schembart Festival. NY., 1941.
28. Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.
29. Ивонин Ю.Е. Становление европейской системы государств: Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох. Минск. 1989.
30. Серегина А.Ю. Английское католическое сообщество второй половины XVI – первой трети XVII веков». Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2013.

Сведения об авторе:

Каравасва Екатерина Элисбаровна, аспирант кафедры истории средних веков и раннего нового времени Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1, тел. (495) 9393551, e-mail: medieval.hist.msu@yandex.ru